

отрицание отвлеченного, рационалистического мировоззрения классицизма.

Скорее можно говорить, в применении к данному литературному течению, о натурализме. Чулков и его собратья хотят без осуждения и без прославления показать, «сфотографировать» жизнь, которая представляется им скопищем индивидуумов, эгоистов, рвущих друг у друга добычу. И они показывают эту — по их взгляду реальную — жизнь, в общем довольно противную, подлую жизнь, основанную на эгоизме, страстях, объегоривании друг друга, а все-таки такую именно, с какой приходится иметь дело «разночинцу» XVIII в., стремящемуся победить, оседлать ее, суровую жизнь. Чулков и писатели его круга не могут, да и не хотят подняться до обобщений; их образы скорее индивидуальные, может быть, даже несколько «случайны», а не типичны; они не стремятся к глубокому раскрытию законов, сущности общества, бытия человека. Они не дают и сколько-нибудь детального психологического анализа. Их искусство эмпирично прежде всего. Оно — протоколирует действительность, регистрируя житейские случаи один за другим, без глубокой внутренней связи, деловито, скупо давая отчет о них. Жизнь человека распадается при этом на отдельные кусочки. Эта манера явно противостоит методу механических и отвлеченных обобщений классицизма.

Чулков, Ив. Новиков и др. разрушали классицизм как враждебную им стихию мысли и творчества. Эмпирически идя за бытом, не поднимаясь над ним, они все же сделали полезное дело, введя в литературу этот быт, простую, конкретную, обыденную жизнь, обычных людей; они показали, что не только в системе отрешенности, свойственной классицизму, заключено искусство; их протокольный, «неизящный», деловой, подчеркнuto простой язык еще больше связывал литературу с практической жизнью. Здесь шло накопление материалов — отчасти сырых материалов — для реалистического романа XIX в. И огромную положительную роль в работе Чулкова, Ив. Новикова, Курганова и др. сыграл опять-таки фольклор. Могучая сила реалистического мировоззрения, мощные пласты реалистических образов, крепкая база народной речи, — все это было неиссякаемым источником и для писателей Чулковского типа. Фольклорные искания обогатили их творчество, иногда подводя их эмпирически протокольную манеру к границам реализма. В этом смысле связь их литературной работы с фольклорными материалами — тема весьма существенная для понимания судеб русского реализма и русской литературы в целом.

Как это ни покажется, может быть, парадоксальным, не так далек от этих «разночинцев» в литературе в смысле своего пути к реализму и величайший русский поэт XVIII столетия Державин. Разрушение классицизма и обретение реалистических путей в творчестве Державина во всей социальной глубине этого явления — это одна из неотложных проблем истории русской литературы XVIII в. Эта проблема поставлена в нашей науке, но она